А. Ф. РОГАЛЕВ

БЕЛАЯ РУСЬ И БЕЛОРУСЫ

(В поисках истоков)

Гомель 1994

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Уроки истории. Исходные теоретические посылки. В чём особенность этой книги 3

Глава I. Суперэтносы Восточной Европы на переломе старой и новой эр. Проблемы славянского этногенеза. Есть ли у народа «прародина»? 29

Глава II. Восточнославянское единство и Древняя Русь. Тайны Владимира и Рогнеды. Трагедия «западника» Святополка 40

Глава III. Белая Русь: географическая проекция и историческая интерпретация 79

Глава IV. Месторазвитие белорусского этноса. «Историческая Литва» и Чёрная Русь. Формирование народности в границах Великого княжества Литовского. Политические и этногенетические факторы рождения государства и народа 97

Глава V. «Великое княжество разных народов». Белорусы «генетические» и «негенетические». Полешуки: история и современность . . 139

Глава VI. Этноязыковые предки белорусов. Балты, угро-финны, иранцы и другие «народцы незнаемые». Откуда пришли славяне на земли Беларуси. Два «прообраза» белорусов 161

Глава VII. Обобщённый «портрет» белорусов: опыт этнопсихологической характеристики (вместо заключения) 230

Редкостно счастливое время, когда можно думать что хочешь и говорить что думаешь.

Тацит

Один может открыть больше другого, но никто всего.

Древнеримское изречение

Подавайте ж потомъком, што маете з предъков!

Андрей Римша, белорусский поэт и переводчик XVI в.

ВВЕДЕНИЕ

Уроки истории. Исходные теоретические посылки. В чем особенность этой книги

Книга пишется для того, чтобы ее читали. Банальность этой фразы не затушевывает ее значения, особенно в тех случаях, когда соответствующая тема уже неоднократно являлась предметом размышлений. В подобной ситуации авторы стремятся, как правило, поразить читателя неожиданными выводами, смелыми предположениями, новыми, якобы только что обнаруженными фактами. Желание быть оригинальным и тем более погоня за сенсацией, однако, не всегда приводят к истине, хотя и привлекают читателей.

Автор же должен прежде всего стремиться к Истине и чувствовать свою ответственность перед ней, ибо рано или поздно, но в любом случае обязательно его произведение пройдет своеобразную экспертизу на Правду.

Ответственность перед Истиной возрастает вдвойне, когда автор ищет истоки — корни народа, культуры, мировоззрения, языка. В наши дни проблемы генезиса этноса и языка (этнос, он же «язык»; вспомним А. С. Пушкина: «...и назовет меня всяк сущий в ней язык») волнуют не только ученых. Об истоках размышляют политики и писатели, преподаватели, учителя и студенты, пенсионеры и школьники. Хорошо это или плохо? Однозначного ответа на такой вопрос, видимо, нет. Очевидно только то, что в ситуации, когда актуализируются и одновременно «популяризируются» проблемы далекого и недавнего прошлого, характерной для сложных, переломных этапов истории народа, у автора есть большой соблазн вдруг отвергнуть одну концепцию

и принять другую. Но концепция — это всего лишь схема, которая, если следовать ей слепо, неизбежно ограничит авторский, а соответственно, и читательский кругозор и потребует творческих жертв.

Так, сегодня каждый, кто пишет о происхождении белорусов, неизбежно проходит своеобразное «тестирование», будучи обязанным недвумысленно определиться в следующем: признавать или отвергать существование древнерусской народности, иначе — древневосточнославянской общности. Между тем, категоричность и однозначность отнюдь не идут на пользу историческим исследованиям, а в данном случае они тем более ни к чему, поскольку само это понятие— древневосточнославянская общность (мы умышленно избираем этот термин и отказываемся от семантически более узкого — древнерусская народность, хотя в определенном контексте их можно воспринимать как синонимы) — оказывается шире любой наукообразной схемы.

В самом деле, древневосточнославянскую общность можно понимать «по-старому» — как определенный «монолит» в этническом и языковом смысле, от которого в результате ответвления, как от своеобразного «родословного дерева», будто бы выделились примерно в одно и то же время (XIV—XV вв.) три самостоятельных «ветви» — русский, украинский и белорусский народы. Для нас единая восточнославянская народность, как и единый восточнославянский (древнерусский) язык, в указанном понимании является научной фикцией, которая неизбежно ведет исследователя в тупик, поскольку не соответствует исторической реальности.

Однако первоначальную Восточную Славию (накануне IX в.) можно воспринимать не как этнический и языковый «монолит», а как его противоположность — многообразие, совокупность родственных и неродственных этнических компонентов, взаимодействовавших в экономической, политической, культурной, языковой сферах. Но ведь любая многообразная совокупность существует лишь в системе, представляющей собой единство многообразия. Данное «единство многообразия» (древневосточнославянская общность) прошло несколько этапов развития, укладывающихся не в одно—два столетия существования более-менее централизованного Киевского государства, но охватывающих целый исторический период, своего рода эпоху в истории народов, исконно живших на территории Восточной Славии. На определенном этапе наблюдалась тенденция к более тесной интеграции восточнославянской общности. Достигнув вершины в X—XI вв., этот процесс явно замедлился в XII в. и совсем прекратился в дальнейшем. Более того, этому процессу «сопутствовал» противоположный процесс — зарождение и постепенное развитие региональных особенностей в культуре и языке на огромной тер-

ритории Восточной Славии. Два этих процесса — консолидация и дифференциация — вовсе не противоречили друг другу, наоборот, они соединялись, переплетались, взаимно обусловливались, поскольку дифференциация определенной системы — это образование нескольких систем в рамках более крупной общности, т. е. опять-таки консолидация, организация на более низком уровне. Иными словами, политико-экономическая и этно-языковая консолидация частей единого культурного пространства возобладала над консолидацией общей, и те территориальные этнографические и языковые особенности, которые исконно были свойственны восточным славянам, жившим в разных регионах необычайно большой территории, стали восприниматься в качестве собственно этнических признаков.

К анализируемой проблеме можно подходить не только с исторической точки зрения, но и в плане этнологических и даже в известной мере философских наблюдений. Дело в том, что единого в абсолютном смысле слова, т. е. монолитного этноса, этнического пространства никогда и нигде не существовало и не существует[1]. Между тем, исследователи, отрицающие существование древневосточнославянского единства, очень ревностно относятся к попыткам расколоть «монолитную белорусскую нацию»[2]. Но ведь даже в XV—XVI вв., в «золотой век» белорусской государственности в составе Великого княжества Литовского и в период окончательного сформирования белорусского этноса и белорусской нации (о терминах — **этнос, народность, нация** см. ниже), единая и монолитная Беларусь тем не менее складывалась из Белой Руси, Черной Руси, Полесья, Северии, Литвы[3]. Еще в конце XIX в. географические и историко-этнографические описания указывали в составе собственно белорусского этноса (без учета представителей иных этносов — русских, украинцев-малорусов, латышей, татар, евреев и др.) этнографические группы кривичей, дейновцев, чернорусов, полешуков[4]. В наше время появляются публикации о дзуках, вичах и гольшанцах на белорусско-литовском пограничье и т. п.[5]. О чем говорят все эти факты? Во-первых, они свидетельствуют о том, что конкретный этнос (например, белорусы), являясь лишь одной из вариаций многообразного человечества, так же «мозаичен», как и любая системная целостность. Во-вторых, приведенные факты говорят о необходимости проведения очень взвешенной национальной политики, основанной на исторических реалиях, а не на амбициях отдельных лидеров, абстрактно озабоченных вхождением Беларуси в мировое сообщество.

Мы очень привыкли за последние годы к этому понятию — мировое сообщество, но, похоже, применяем его без должного уяснения. В самом деле, не странно ли звучит следующая фраза: Беларусь должна занять свое место в мировом сообществе. Можно по-

думать, что до сих пор мы жили в некоемом «вакууме», вне времени и пространства. Мировое сообщество — это все человечество в совокупности, существующее в определенной системе. Вне системы нет ничего в мире. Так и мировое сообщество (человечество) представляет собой сложную систему, иерархию подсистем, находящую выражение в политической, экономической, культурной, идеологической сферах жизнедеятельности, в этническом многообразии, наконец.

Уже в силу традиционности своего названия, которому по меньшей мере десять веков, Беларусь давно занимает строго определенную «клеточку» общемировой систематики. Следовательно, задача заключается в том, чтобы уяснить отведенное отнюдь не по воле кого бы то ни было место Беларуси в мировом сообществе.

Беларусь — это прежде всего белорусская нация и белорусский этнос, как и остальные части мирового сообщества — это определенные этнические и национальные образования, существующие в политико-экономическом и культурно-идеологическом пространстве. Здесь следует сказать, что понятия **этнос** и **нация** — далеко не одно и то же. Этнос — явление природное, представляющее собой коллектив людей, сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения, традиций, обычаев, представлений, убеждений и осознающий себя в противопоставлении с иными этническими коллективами («мы не такие, как они»)[6]. Нация — явление общественное, социальное, представляющее собой сообщество граждан независимо от их этнической принадлежности, иначе — территориально-государственную общность.

Институт государства и этнос не совпадают. О таком совпадении можно говорить лишь для времени, предшествовавшего собственно «государственному периоду» истории человечества, если считать племенную территорию прообразом института государства[7]. Образование государственного сообщества — это в любом случае консолидация определенного этноязыкового пространства, изначально неоднородного в этническом и языковом отношениях. Следовательно, на этапе формирования территориально-государственного сообщества этносы, субэтносы, этнографические группы объединяются в народность, а на завершающей ступени такого формирования превращаются в нацию[8].

Первичным и основополагающим в мировой систематике является этно-национальное деление, не зависящее от воли и желания людей; все же остальное, в том числе и само государственное образование, блоки, союзы, социальное и экономическое устройство, являются той «инфраструктурой», которую человек волен создавать по своему усмотрению.

Таким образом, говоря о поисках места в мировом сообществе, следует иметь в виду лишь поиски наиболее оптимального ус-

тройства того пространства, которое отведено белорусскому этносу и белорусской нации. И это обустройство (в частности, создание суверенного государства) будет наиболее удачным, успешным при осознании специфики и особенностей этноса, нации, их исторического пути. Для этого и существуют работы по этногенезу (согласно Л. Н. Гумилеву, этногенез — это процесс возникновения, развития и исчезновения этносов). Говоря образно, нам необходимо создать Дом (т. е. форму завершенного государственного объединения), в котором найдут свое полное и естественное выражение Культура нации, проявляющаяся в стереотипах поведения, привычках, занятиях, обрядах, исторических традициях, языках (этнические показатели представителей нации), и Патриотизм (общенациональный показатель), сплачивающий представителей разных этносов в пределах политико-государственного пространства.

Единение индивидуумов в любом коллективе, в том числе и этническом, в обществе в целом, базируется на принципе комплиментарности (объединение некоторого числа людей, симпатичных друг другу). На общественном уровне принцип комплиментарности называется патриотизмом. В любом государстве комплиментарность (патриотизм) сплачивает субэтносы в составе основного этноса, а также представителей иных народов, этносов, «цементирует» общество, является охранительной силой перед всякими воздействиями негативного плана и даже ударами извне.

Если же в рамках полиэтнического государства (а таковыми, повторим, являются все государства письменной истории человечества) комплиментарность фигурирует не на межэтническом уровне, а только на уровне этническом, то рано или поздно начнут проявляться признаки неприятия всего инонационального. Принцип комплиментарности в таком случае именуется **национализмом.** Национализм бывает пассивным и активным. В первом случае он проявляется на межэтническом уровне без каких-либо ущемлений прав и интересов конкретных этнических групп. Во втором случае выделяется доминирующий этнос, в угоду которому формулируются законы, нарушающие принцип равенства и одинаковых прав для всех этносов и этнических групп. Понятно, что национализм, в отличие от патриотизма, не способствует единению общества. Наоборот, в таком обществе (государстве), как правило, наблюдаются трения и конфликты на национальной почве. Национализм в отдельных случаях (если его ничто не сдерживает) может принимать уродливую форму ненависти ко всему чужому, называемую **шовинизмом.**

Впрочем, гибельными для территориально-государственного сообщества являются не только национализм и шовинизм, но и элементарная утрата комплиментарности между составляющими нацию группами без видимого неприятия иноэтнического, инона-

ционального. В таких случаях территориально-государственная общность распадается на части, группы, объединяемые не столько общностью происхождения, сколько общностью жизни и социальной судьбы. Это наше положение хорошо иллюстрируется судьбой Великого княжества Литовского.

Время с середины XIV до середины XVI вв. в истории данного государства — это период наибольшего благоприятствования для развития национальной культуры в полиэтническом ее проявлении, это период относительной свободы вероисповедания, несмотря на идейное противоборство и даже кровавые конфликты, о чем речь впереди; это, наконец, этап, на котором происходило становление и развитие экономических связей между различными регионами государства, появление новых типов поселений — местечек, фольварков, застенков.

Витовт Великий в конце XIV в. дал этническим меньшинствам в своём государстве особые льготы (например, христианин за криминальные действия против иудея-еврея отвечал перед законом как за преступление против шляхты). Евреи, татары, литовцы, жемайты, литвины-белорусы, русины, малорусы — все народы Великого княжества Литовского имели равные права и обязанности, всем нашлось место и дело в государстве (за упокой души Витовта Великого до сих пор молятся белорусские татары).

«Золотой век» белорусско-литовской державы знаменовал собой постепенную трансформацию белорусской народности в нацию, о чем свидетельствует, в частности, развитие языка[9]. До рубежа XIV—XV вв. официальным языком Великого княжества Литовского была западная разновидность древнерусского канцелярско-делового языка, продолжавшая традиции древнерусской официально-деловой речи. Все «деловое», относящееся к практической жизни (грамоты, договоры, акты, завещания, описи и т. п.), писалось на этом «языке». Он же, «язык», был и средством общения чиновников и правящих классов. Население, особенно сельское, разговаривало на местных диалектах, имевших восточнославянскую, русскую, основу, но достаточно рельефно различавшихся в разных частях Великого княжества (в центральной части современной Беларуси в конце XIV — начале XV вв. уже разговаривали на собственно белорусских диалектах, а на территории, например, современной Могилевщины и Гомельщины в это время имелись говоры, совокуплявшие черты собственно русские и собственно белорусские).

Сферы высшей духовной культуры и церкви обслуживал церковнославянский язык, в принципе, единый в своем произношении и грамматике на территории всей Восточной Славии, но имевший стилистические особенности как в пределах литовско-белорусской державы, так и в границах Московии[10].

На базе канцелярско-делового «языка» во второй половине XV — начале XVI вв. сложился литературно-письменный язык Великого княжества Литовского, обслуживавший светскую государственную жизнь (языком православной церкви оставалась западная «вариация» церковнославянского языка, а языком католической церкви был латинский язык). Светский литературно-письменный язык Великого княжества Литовского вобрал в себя, кроме несомненных церковнославянских черт, также многие особенности живой белорусской разговорной речи, собственно белорусские (шире — восточнославянские) диалектные элементы.

В начале XVI в. народные разговорные формы все явственнее проникали в официальный светский литературный язык Великого княжества. Не случайно к этому времени относится деятельность Ф. Скорины, впервые предложившего церковную литературу на том языке, который был проще и понятнее «люду посполитому», белорусам, представителям других этносов в пределах государства.

Вместе с тем, уже в середине XV в. в светский литературный язык началось проникновение польских языковых элементов. Польское языковое влияние постепенно усиливалось по мере возрастания политического и религиозного влияния Польши и католического Рима и в связи с постепенным окатоличиванием и ополячиванием высших правящих классов (магнатов и шляхты). Собственно старобелорусский язык был официальным языком Великого княжества Литовского с конца XV — начала XVI вв. и вплоть до 1696 г., когда литовско-белорусские послы на сейме Речи Посполитой внесли предложение о замене белорусского языка польским в государственном употреблении на территории княжества[11].

После 1548 г., когда на престол взошел новый король польский и великий князь литовский Жигимонт (Сигизмунд) — Август, «золотой век» Великого княжества Литовского, похоже, закончился, наступила «золотая осень». Вот так бывает: «золотое время» белорусской стародавности, высший этап развития государства — это начало конца. Население Великого княжества Литовского мужественно защищало интересы своей державы, гарантировавшей ему до конца XVI в. защиту прав и свобод, в том числе свободу вероисповедания. Но несомненно и другое: как только правящая феодальная верхушка Великого княжества, опасаясь за свою власть и могущество перед лицом реальной угрозы со стороны могущественной Московии, пошла на политический союз с Польшей, а затем и на церковную унию, насильственно насаждавшуюся на исконно православных белорусских землях, «люд посполитый», ощутивший свою отдельность, оторванность от высших слоев общества, обратил взоры к собратьям за восточной границей. На наш взгляд, утрата комплиментарности между высшими и низшими социальными слоями общества именно в плане

отношения к Родине, православной белорусской Культуре и Языку, разное понимание Долга перед традициями и обычаями предков явились одной из основных причин крушения Великого княжества Литовского.

Отчуждение «верхов» и «низов» особенно проявилось в религиозной сфере. Трагедия первого белорусского государства заключалась не столько в агрессии с Востока, сколько в умело проведенной идеологической акции католического Запада — окатоличивании правящей верхушки государства, магнатского сословия, которому стали чужды национальные интересы, в результате чего высшее сословие противопоставило себя основной массе населения не просто в социальном, а в религиозном и культурно-этическом отношениях. Упадок, а то и гибель многих народов при столкновении с иной цивилизацией объясняются не чисто материальными причинами, а разрушением исконных религиозно-нравственных и культурных традиций. Конечно, католицизм и православие — это две ветви христианства, но за ними в каждой данной этнической среде стояло совершенно своеобразное мировосприятие, поскольку христианство, «воплощавшееся» в народе, неизбежно и объективно одевалось «плотью» его предшествующей истории, культуры, старых обычаев и обрядов, законов предков[12]. Стоит ли говорить, что поощрявшаяся смена православия католицизмом, а тем более насаждение их «гибрида» — унии, ничего позитивного ни для нации, ни для государства не несли.

Некоторые исследователи стараются представить Брестскую церковную унию 1596 г. событием прогрессивным и необходимым, а униатскую церковь в Беларуси истинно народной, национальной[13]. С таким утверждением нельзя согласиться, исходя из уже сказанного нами. Заметим также, что народной может быть только та церковь, которая создается в интересах народа, для народа. Брестская церковная уния, возможно, была неизбежным, закономерным событием. Но церковный союз был необходим не восточнославянскому православному народу, а, во-первых, тем церковным православным иерархам, которые любой ценой желали сохранить свою независимость от Московской православной митрополии, во-вторых, тем белорусско-литовским магнатам, которые опять-таки любой ценой стремились отдалить неизбежность заката Великого княжества Литовского, оказавшегося между двух огней — Польшей и Московией и обнаружившего неспособность отстоять свою независимость; наконец, в-третьих, церковная уния была необходима Ватикану, католической Польше, которые таким путем исподволь готовили почву для сплошного окатоличивания восточнославянского населения и превращения тех же белорусов в истинных поляков. Обращение православных белорусов в униатов — это, по существу, второе крещение. Оно, как и первое крещение в конце X в., не могло обойтись без насилия. Никогда

и нигде добровольно от устоявшихся религиозных традиций, убеждений и символов не отказывались. Православные белорусы в этом плане не исключение.

Униатскую церковь нельзя считать истинно народной и на том основании, что она якобы стремилась вести службу на белорусском языке. Иного выхода для данной церкви и не было, поскольку в противном случае она вообще ничем не могла бы привлечь к себе белорусское население. Но и факт служения на белорусском языке не следует абсолютизировать, так как для полного перевода богослужения и соответствующей литературы на тот или иной язык требуются не годы, а десятилетия. Нельзя согласиться и с утверждением, что белорусам был непонятен язык православной церкви. Последняя использовала и использует не просто старославянский (южнославянский в своей основе) язык, а русский (восточнославянский) извод старославянского языка, или так называемый церковнославянский язык. Это далеко не одно и то же.

Кроме того, фонетика церковнославянского языка в разных областях древневосточнославянской территории была далеко не одинаковой: строже держались образца в Киеве, а в Новгороде, Полоцке и в Галицко-Волынской области отклонения в сторону приближения к фонетике живого местного говора были сильнее. В связи с распределением восточнославянской территории между двумя большими государствами — Великими княжествами Литовским и Московским — возникли два русских центра церковнославянского языка: один — восточный, в Москве, другой — западный, локализовавшийся в Киеве. Произношение и грамматика в обоих центрах в конце концов сблизились, но оставались различными приемы использования языковых средств (стили), служившие для создания оригинальных и переводных произведений западнорусскими и восточнорусскими авторами.

В XVII в. (после присоединения Украины к России и реформ патриарха Никона) из соединения восточнорусского церковнославянского языка с западнорусским (при преобладании этого последнего) возник общерусский церковнославянский язык. Он оказался единственным носителем староцерковнославянского преемства и сделался языком всех православных славянских церквей (в том числе и в Южной Славии)[14].

Уроки истории в судьбоносные для этноса и нации периоды их жизни особенно полезны, поскольку на переломе эпох (а мы как раз и переживаем такой «перелом»[15]) наиболее отчетливо просматривается проекция прошлого в настоящее. Один из наиболее талантливых исторических романистов современности В. Д. Иванов в своем произведении «Повести древних лет» заметил по этому поводу следующее: «Постижение смысла исторического действия есть обязательная, насущно необходимая задача

потомков. Осуждение помогает бороться с пережитками, ободрение служит опорой поступательному движению. Главнейшим руководством в постижении является понимание того, что служило и будет служить благу людей. В истории общества нет ничего, что подлежало бы забвению. Прошлое, настоящее и будущее не разрываются в своем последовательном движении. Они — единое тело общественного развития».

Предлагая читателям свою версию «исторического действия», мы не собираемся рыть новый «тоннель», а будем шаг за шагом двигаться по уже существующему «лабиринту», создававшемуся в течение столетий, стараясь не попасть в тупик, а отыскать единственно верный путь к истокам.

История — это действительно «лабиринт», поэтому и ответы на вопросы, связанные с происхождением белорусского этноса и формированием белорусской нации, нельзя сводить к арифметическим действиям сложения или деления. Реальность, как и во многих других случаях, оказывается и многообразнее, и сложнее. Именно поэтому мы отказываемся от проведения прямых линий во всем дальнейшем повествовании.

При совершении одной из многих попыток обращения к истокам существует опасность в отвлечении от главной цели и в превращении исторического труда в полемический трактат. Во избежание такого искушения мы отказываемся от историографии проблемы. Историография — это спор, поскольку она не может не содержать оценку написанному, а без таковой историография превращается в обыкновенную библиографию, которую мы и приводим достаточно подробно в примечаниях, тем самым предоставляя читателю возможность самостоятельно ознакомиться с работами тех, кто когда-либо писал или продолжает писать о происхождении белорусов[16].

У каждого автора — свои приемы и способы исследования. Мы, пожалуй, впервые предлагаем экскурс в далекое прошлое Беларуси на основе цельного, системного анализа этнической топонимии, обнаруженной нами на территории республики. Это не означает, что мы пренебрегаем информацией, которую дают археологические исследования и исторические источники. Но сами археологи, например, ведут бесконечные споры по поводу того, что скрывается за археологической культурой, т. е. за определенным единством материальной культуры на определенной территории. Пользуясь лишь безгласным археологическим материалом, трудно судить о том, как назывались соответствующие племена, заселявшие территорию распространения той или иной археологической культуры, на каких языках говорили представители отдельных группировок, на каких языках — их предшественники. Более или менее однозначные ответы можно дать лишь в некоторых конкретных случаях и чаще всего при сопоставлении с письменны-

ми источниками. Но если имеющиеся письменные источники относятся к очень позднему времени и не позволяют составить представление о начальных этапах этногенеза? В таких случаях как будто остается строить лишь предположения и догадки.

Некоторые археологи (В. В. Седов, Г. В. Штыхов, Э. М. Зайковский и др.) считают, что вся этническая белорусская территория до середины I тыс. н. э. была заселена балтскими племенами, широкое же распространение славян началось только в V—VI вв. По мнению, например, В. В. Седова, с VI по IX в. существовал устойчивый славяно-балтский симбиоз, и только с IX в. началась активная ассимиляция балтского населения, что и обусловило особенности белорусского этноса. Прямо противоположную позицию занимает белорусский археолог Л. Д. Поболь, считающий, что большинство археологических культур древней Беларуси железного века принадлежало славянам.

Что можно сказать по этому поводу? Безусловно лишь одно: за той или иной археологической культурой могут скрываться единства разного рода. Материальная культура перенимается соседями легко, так как зависит от ландшафтных условий и уровня техники. Иногда утверждают даже, что культура может распространяться вне зависимости от ее носителей. Это очень категорическое утверждение. Нам представляется, что для распространения металлов, колеса, ряда домашних животных, плуга и иных достижений материальной культуры, с которыми был связан прогресс в производстве, присутствие носителей этих элементов культуры необязательно. Однако в отношении тех явлений, которые не связаны с усовершенствованием и прогрессом материального производства (например, орнамент керамики, форма посуды), присутствие носителей культуры, т. е. инфильтрация, расселение, проникновение определенного этноса — обязательно. Следовательно, возможности археологии в этногенетических исследованиях приуменьшать не следует.

В пределах соответствующего региона археологи, как правило, выявляют не одну, а несколько археологических культур, которые имеют между собой значительно большую степень сходства, чем с культурами других регионов. Все группировки внутри региона обладают прежде всего сходной структурой культуры. Так, горшки археологических культур лесного мира (юхновской, милоградской, днепро-двинской, штрихованной керамики) различаются и формой, и способом обработки поверхности, но все эти культуры — «горшечные», потому что в отличие от других миров (регионов) здесь нет ни мисок, ни кувшинов; другой посуды, кроме вылепленных вручную, очень простых и слабопрофилированных горшков, жители лесной зоны не знали.

С другой стороны, погребальные обычаи населения степей очень разнообразны, но всегда здесь хоронили под курганами, как

правило, мужчин, а иногда и женщин вместе с оружием. Это — «курганные» культуры. Сходство и различия структур миров обеспечивались прежде всего спецификой природных условий, хозяйственной деятельности, уровнем социального развития, а также единством происхождения большинства населения или его наиболее активной части, направлением экономических, этнических и социальных связей и другими обстоятельствами[17].

Таким образом, мы будем использовать результаты археологических наблюдений, дающих, во-первых, достаточно определенную датировку, во-вторых, очерчивающих ареалы определенных культурных целостностей и, в-третьих, указывающих зоны взаимодействия, взаимовлияния различных культур или их структурных разновидностей, направления проникновения элементов одной культуры в пределы иной социально-культурной целостности. Последнее обстоятельство особенно важно для уяснения места и характера этноязыковых контактов носителей разных культур. Языковой же (топонимический, этнонимический) материал, которым мы будем оперировать, говоря образно, «озвучит» историческое «действо», развернет его перед исследователем и даст возможность судить о конкретных народах даже в тех случаях, когда о них нет никаких сообщений в исторических источниках.

Обыденное сознание легко принимает за аксиому, что мир, в частности, этнический, всегда был таким же, как и сейчас, что современные народы были здесь вечно, а если и появились когда-то, то на основе каких-то племен. Увы, это тоже не более, чем ошибочный стереотип представления. Белорусам, например, предшествовали такие же полноправные народы, как и они сами. Но эти народы завершили свой жизненный путь, исчезли со сцены истории, однако оставили свои «следы» в образе жизни, менталитете, обычаях, облике, языке белорусов. Но почему исчезают одни народы и появляются другие? Каковы причины и движущие факторы этнической динамики? Иными словами, почему и как возникают народы?

Ученые, занимавшиеся, например, происхождением белорусов, пытались дать ответы на эти вопросы. В частности, назывались три основных причины появления и формирования белорусского этноса — собственно этническая, политическая и экономическая[18]. На наш взгляд, в данном случае анализировались не причины, а обстоятельства этногенеза, условия его протекания. Истинную причину происхождения народа (этноса) однозначно определить невозможно.

Ход истории не единообразен, в нем можно различить два разных исторических времени. В пределах одного времени («линейного») история внешне имеет характер объяснимого логически и даже предсказуемого процесса. Доступные нашему наблюдению

социальные, экономические и политические факторы влекут естественно вытекающие из них последствия.

Другое время — это своего рода «минуты роковые». Оно воспринимается обычно как нечто необъяснимое, как вторжение сил, находящихся вне сферы действия нашего современного типа мышления. История резко меняет свое течение, в эти «минуты» она реально и совершается. В эти «минуты», по всей видимости, и выходят на арену истории новые этносы. Значение же наступающего потом «линейного» времени заключается в том, чтобы приспособить существование общества к новому состоянию (историческому, этническому, языковому), в котором оно оказалось[19].

Этносы всегда возникают в результате контактов, смешения, скрещивания, слияния нескольких этнических субстратов (коллективов, предшествовавших на данной территории соответствующему этносу и взаимодействовавших в политической, экономической, культурно-языковой, военной и иных сферах). Однако к появлению нового этноса приводит не любое взаимодействие этнических коллективов и не во всех контактных зонах, а лишь такое взаимодействие, которое происходит в периодически меняющихся зонах действия особых природных сил[20]. Соответственно при ответе на вопрос — как это происходило? — мы не можем обрисовать в деталях, вычислить, так сказать, с точностью до миллиметра сам процесс рождения этноса. Мы в состоянии лишь приблизительно представить все происходившее в течение определенного времени на данном пространстве и уяснить составляющие, на основе которых произошло преображение этнического ландшафта. Мы можем определить и факторы, способствующие становлению этноса, формированию народности и превращению ее в нацию.

Таким образом, собственно этнические (этнологические) причины являются основными для появления того или иного этноса. Политические и экономические факторы создают лишь «фон», на котором осуществляется формирование и развитие этноса. С другой стороны, политические и экономические причины являются основными для складывания народности и превращения ее в нацию (территориально-государственное сообщество). Для того, чтобы составить представление об этносе, необходимо выделить и изучить его месторазвитие, определяемое неповторимым сочетанием природного и этнического ландшафтов, обусловивших сложение этноса и его своеобразие — поведенческое и культурное[21]. В последующих разделах этой книги мы постараемся проанализировать этнический ландшафт, предшествовавший появлению белорусов, и уяснить составляющие нового этноса. Кроме того, мы будем стремиться к осознанию причин становления Великого княжества Литовского как того территориально-политического, государственного пространства, в рамках которого происходил процесс формирования народности до момента превращения ее в на-

цию (это и есть ранняя этническая история белорусов, ранний этап этногенеза). Сейчас же, в теоретическом обзоре проблемы этногенеза, мы должны понять общие закономерности становления и развития этноса, народности в рамках их месторазвития (для народности месторазвитием является государство).

Выше мы отметили, что институт государства и этнос не совпадают, поскольку на определенной территории, очерченной политическими границами, могут проживать несколько народов (этносов), организованных в политическую структуру какой-то одной доминирующей этнической системой, и, наоборот, один и тот же этнос может существовать в разных политических образованиях. Тем не менее, появление государства является следствием этнического развития. Это характерно и для времени, предшествующего собственно «государственному периоду», если считать племенную территорию прообразом института государства, и для рассматриваемого нами периода — второй половины XIII в. (время появления белорусов), и вообще для любого другого периода.

Но почему наблюдается такая закономерная обусловленность формирования государства в связи с развитием этноса и консолидацией им некоего пространства, неоднородного в этническом и языковом отношениях, по крайней мере, в обозримый исторический период? Предыстория этнического членения связана со стадной (коллективной) формой существования наших далеких предков. Род, племя объединяла кровнородственная связь. Они представляли собой совокупность особей, населявших определенную территорию и связанных стабильными брачными контактами между собой, т. е. своего рода популяцию, характерную и для животных.

Но этнос качественно выше обыкновенной популяции, поскольку животные одного вида не осознают своего отличия от других видов, популяций. Человек, как этнический субъект, осознает, и это осознание он воплощает в неповторимом поведении, свойственном каждому этносу (т. е. мировосприятии и видении себя в этом мире), в традициях и обычаях. Отсюда — несхожесть, оригинальность этносов. Этническое сознание, таким образом, имеет психолого-генетическую основу.

Первоначальные, первобытные этносы, совпадавшие с племенем, были изолированы друг от друга, прежде всего, географически: каждый из них занимал свою территорию, свой ландшафт, свою производственную площадь и в рамках этого пространства сохранял свою оригинальность, благодаря стабильности брачных контактов между субъектами этноса. Но изоляция этносов относительна, поскольку племена объединялись в союзы племен или просто смешивались, сливались. В последнем случае возникал новый этнос, но такой вариант этнического развития не был обязательным, поскольку существуют разные степени этнической

совместимости, и этнический контакт в каждом конкретном случае мог завершиться по-разному, т. е. привести к различным результатам (ассимиляция одного племени другим, истребление или сосуществование в течение длительного времени).

Объединение в союзы племен требовало уже территориально-политической организации. В результате стабилизации брачных (семейных, генетических) связей внутри данного пространства, т. е. территории, занятой этим союзом, племенной союз превращался в народность. На этом этапе этносы различаются по многим параметрам — территориально, политически, культурно, идеологически, лингвистически и т. п.

Народность — это всегда сложное этническое единство, или целостность в многообразии этнографических типов. В рамках того пространства, где складывается и существует народность, обязательно имеются более частные, мелкие, по сравнению с более общими и крупными, границы, в которых наблюдается особая регулярность и частотность брачных контактов между местным населением. В результате возникает относительное обособление отдельных регионов общего пространства, поскольку население внутри каждого региона связано между собой сильнее, чем с населением соседних регионов. Так образуются этнографические типы, группы. Но если обособление какого-либо региона внутри общего этнического пространства становится очень сильным или абсолютным, то создаются условия для рождения нового этноса.

Обособление субэтноса может наступать вследствие расселения на большой территории с несхожими ландшафтами и различным этническим окружением (соседи) или из-за политических причин (возникновение двух-трех или более государственных образований на территории, занятой первоначально одной этнической системой). В таких случаях возникают родственные этносы, «отпочковавшиеся» от единой родственной основы, появившейся в результате действия природных, надчеловеческих сил. Следовательно, есть две причины рождения этносов — природно-космическая и естественно-историческая. Кроме того, в процессе длительного контактирования, взаимодействия два этноса (или более двух) могут приобрести «вторично схожие», типологически близкие черты в культуре, языке, традициях, мировоззрении. Благодаря действию всех трех отмеченных причин и возникают суперэтнические целостности, «миры», самобытности, составляющие в совокупности человечество. На наш взгляд, возникновение белорусов было предопределено естественно-историческим развитием Восточной Славии (Древней Руси), но произошло в определенной части огромной территории не без импульса природных сил (по крайней мере, пусковой момент этногенеза остается вне поля зрения исследователя, зато хорошо прослеживается его «линейный» этап — процесс постепенного расширения и сокращения им

Центральная научная библиотека

ных этнических единиц в народность в рамках государства — Великого княжества Литовского)[22].

Примечания

[1] В окружающем нас мире существует непреложный закон: частное существует только в общем, общее реализуется в частном. Атомы складываются в молекулы, молекулы образуют вещества, из веществ состоят растительные и животные организмы, «неживые» предметы; сами организмы «организованы» (один и тот же корень!) в роды, виды, подвиды, семьи и т. д.

Так и в этнической среде. Структура этноса всегда более или менее сложна, но именно сложность обеспечивает этносу устойчивость, благодаря чему он имеет возможность пережить века смятений, смут и мирного увядания (см.: Гумилёв Л. Н. География этноса в исторический период. Л., 1990. С. 19—22). Многие этносы делятся на племена, джусы, фратрии, этнографические группы, субэтносы. Такое «деление... несет функцию скелета, на который можно наращивать мышцы и тем самым набирать силу для борьбы с окружающей средой» (Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989. С. 80). Этнос — это система, построенная по принципу иерархии: подсистемы образуют системную целостность.

Этносы в свою очередь организуются в суперэтносы, представляющие собой группы этносов, взаимосвязанных экономической, идеологической, политической общностью в определённом регионе. Наконец, совокупность суперэтносов представляет собой человечество в целом. Каждое более мелкое «подразделение» (подсистема) существует потому, что оно входит в более крупное, т. е. в иную подсистему общей системы.

[2] Такова, например, реакция многих учёных, писателей, публицистов, общественных деятелей на высказывания председателя ОКО «Палесье» Миколы Шеляговича, прозвучавшие, в частности, в газете «Рэспубліка» (№ 212 за 5 лістапада 1992 года). По мнению М. Шеляговича и его сторонников, полешуки (главным образом, западные) являются не региональной разновидностью белорусского или украинского народа, а самостоятельным этносом, имеющим самобытную культуру и свой язык.

[3] «Настоящая Белоруссия простиралась в древние времена с севера на юг от г. Дриссы и оз. Освея до Могилёва и Друцка, а с востока на запад — от Великих Лук и от р. Ловати до м. Белого на границе Виленской и Минской губерний (Борисовский уезд), т. е. Белоруссией называлась вначале страна между Двиною, Днепром и Друтью» (Зеленский И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния. Ч. I. С.-Птб., 1864. С. 406—407).